

I.A. Draba, H.K. Semiankova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: drabo.irina.2003@gmail.com, galina.semenkova@mail.ru

Semantic features of microtoponyms of Vitebsk region

Key words: toponymy, microtoponymy, microtoponym, semantics, onym.

The article examines eleven semantic groups of microtoponyms that exist on the territory of the Vitebsk region. The study was conducted on the basis of material collected in 74 settlements in 18 districts.

A total of 527 microtoponymic units were recorded and analyzed.

Е.С. Жилене

Санкт-Петербургский государственный институт культуры
e-mail: ebibergan@yandex.ru

УДК 821.161.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ЖИВОПИСНЫХ СТРАТЕГИЙ СОЦ-АРТИСТОВ В РОМАНЕ В. СОРОКИНА «ОЧЕРЕДЬ» (1983)

Ключевые слова: соц-арт, соцреализм, концептуализм, Владимир Сорокин, роман «Очередь».

Цель исследования – предложить новый ракурс в интерпретации романа Владимира Сорокина «Очередь» (1983), который по праву считается наиболее известным текстом автора. Рассмотрение художнических стратегий соц-артистов, в круг которых попал молодой Сорокин в период своего творческого формирования, позволяет увидеть текст романа по-новому, а именно понять и проследить, каким образом Владимир Сорокин сумел перенести живописные приёмы соц-арта на литературную почву, создав первый отечественный концептуальный роман.

Важнейшим этапом формирования творческой манеры Владимира Сорокина, зарождения его собственного неповторимого метода моделирования художественной реальности стало знакомство с визуальным искусством «московского концептуализма». По признанию Сорокина, именно оно сыграло ключевую роль в его становлении как литератора: «Парадоксально, но именно художники подтолкнули меня к занятиям прозой» [5, С. 119].

В середине 1970-х годов в Москве существовали два «круга» художников-концептуалистов. Лидерами и идеологами одного – «соц-арта» – были Виталий Комар и Александр Меламид, участники знаменитой «бульдозерной

выставки» 15 сентября 1974 года, организованной Оскаром Рабиным, лидером другого – «московского концептуального круга» – был Илья Кабаков (в 1979 году Борис Гройс, ставший ведущим теоретиком «круга Кабакова», определил его как «московский романтический концептуализм», см.: [3]).

Искусство «соц-арта» (название придумано в 1972 г. В. Комаром и А. Меламидом по аналогии с американским «поп-артом»), оформившееся под влиянием творчества В. Комара и А. Меламида («КМ» или «К & М»), играло серьёзную роль в «московском концептуализме» в 1970-е. Соц-артисты работали не только с визуальными клише соцреализма, но и со словесными формулами-штампами, с социальными и поведенческими моделями. Изобразительный язык соц-артистов был языком цитации и имитации стилистики соцреализма. «Цитатная рефлексия соц-артистов не была детско-наивно-гуманистической, как у Кабакова или Пивоварова, не ограничивалась нейтральностью и отчуждённостью, как у Булатова, но основывалась на тональности бравурной помпезности и соцреалистической романтики, доведенной до высшего (абсурдного) предела через погружение в эстетику советского искусства и радикальное развитие его основных принципов и приёмов. Пафосом этой стратегии было не открытое развенчание и примитивное отрицание, а мистификация ностальгического повторения и благоговейного следования, в своей провокативной искренности и истинности порождавшая ошеломляющий комический эффект» [2, С. 6]. Основой творческого метода соц-артистов стало «пародийное жонглирование архетипами», «деперсонализация авторской манеры», «всеобщая абсурдность и смещённость» [1, С. 71].

Принципы творческой манеры Владимира Сорокина, попавшего в неоднородную среду «московского концептуализма» 1970-х годов, формировались на пересечении теории и практики собственно концептуалистского искусства и приемов соц-арта 1970-х, при активном влиянии поздних концептуалистов 1980-х. То общее, что воспринял от одних и других Сорокин, – не столько сумма приемов, сколько тип ментальности, особая стратегия творчества, его функционирования и восприятия, когда «все есть текст» [2, С. 17]. Вслед за художниками-концептуалистами константно трафаретные приемы графики и живописи Сорокин переносит в литературу и выстраивает тексты своих произведений как речевые полотна, базирующиеся на доминантных приемах, устойчивых принципах, минимальных строительных единицах концептуального прецедентного текста.

Первой крупной формой концептуалиста-прозаика становится роман «Очередь», написанный в 1982–1983 гг. (опубликован в 1985 г. в Париже), когда основные концептуалистские постулаты были сформулированы, а художественные стратегии – опробованы и филигранно отточены концептуалистами-художниками. Текст романа «Очередь» стал благодатным пространством для перенесения художественных стратегий на литературный материал.

Словесные формулы-штампы соцреализма

Первым приёмом, обращающим на себя внимание читателей, становится имитация чужой речи. Неслучайно критика выделяет роман «Очередь» прежде всего как «роман прямой речи» [4, С. 175], иллюстрирующий вариации речевых формул и фигур «советского образца».

При этом речевые клише можно условно разделить на группы. Так, в отдельную группу можно вынести популярные в употреблении слова и выражения, тематически относящиеся к ситуации ожидания своей очереди, то есть к вынужденному ожиданию, вызывающему весь спектр эмоций от непонимания (недоумения) до раздражения и гнева: «Товарищ, кто последний? <...> А не знаете, по сколько дают?» [6, С. 9], «Они наживаются на этом будь здоров...» [Там же, С. 10], «Да ничего они не занимали!» [Там же], «Простите, я не за вами?» [Там же, С. 12], «Да стойте вы спокойно, молодой человек! / <...> Эй, потише там, чего вы прёте!» [Там же, С. 14], «Все ноги отдавили...» [Там же, С. 16], «Подходят и подходят... кошмар какой-то...» [Там же, С. 25], «Что это за безобразие?!» [Там же, С. 25], «Да не толкайтесь вы!» [Там же, С. 26], «НЕ НАДО ПИХАТЬСЯ, ТОВАРИЩИ! ИНАЧЕ Я БУДУ ВЫВОДИТЬ!» [Там же, С. 28], «Такие вот и лезут без очереди. Хамы» [Там же, С. 76], «Вы здесь не стояли» [Там же, С. 143], «Стояли, стояли, – и на тебе...» [Там же, С. 159].

Отдельно следует сказать о широко используемом в разговорной речи тропе – метонимии, которую Сорокин часто использует для имитации нужного дискурса: «Так, эта лавочка за нами, а вы за ней, хорошо?» [Там же, С. 79], «Вон наша лавочка ест ещё» [Там же, с. 91], «Практически два двора осталось просидеть, и всё...» [Там же, с. 151]. Используя приём метонимии, Сорокин создаёт иронический эффект: «Вы не в “Сыре” масло брали?» [Там же, с. 19], который достигает наибольшего эффекта при восприятии «на слух», поскольку на письме видны кавычки и читатель сразу понимает, что речь идёт о названии магазина, в то время как восприятие «на слух» заставляет задуматься о смысле фразы), указывая тем самым на задумку автора – передать звук (шум и гам) очереди, привлечь читателя к созданию визуального образа самостоятельно, основываясь исключительно на звуковом ряде (в этой связи в контексте деятельности московских концептуалистов приходит на ум одна из программных фраз одного из основоположников московского концептуализма Ильи Кабакова: «Зритель – такой же художник»).

В отдельную группу речевых клише могут быть вынесены небольшие диалоги на бытовые темы, касающиеся советских реалий, к примеру, ответ на пресловутый вопрос «где брали?»: «Вы не видели, там капусту не привезли? / Нет, там за апельсинами очередь, а капусты нет» [Там же, с. 11]. своеобразные мини-зарисовки, показывающие ироничность и одновременно драматичность советского быта:

- «— Они садятся после стирки.
— Сильно?
— Нормально» [Там же, с. 158]

Сорокин показывает способность советского человека ассимилироваться в любых условиях, смириться со всеми неудобствами и оптимистично находить решение каждодневным задачам. Так роман «Очередь» не только становится своеобразной энциклопедией советской жизни, запечатлевая наиболее острые будничные проблемы граждан, но и показывает душу русского народа — неизменно смиренную, но стойкую, не знающую уныния.

Иронический эффект возникает, когда очередь после переклички располагается на ночлег в сквере, рассаживаясь на лавочки. Среди атмосферы всеобщей дремоты, засыпающих, уставших от жары и ожидания в очереди граждан раздаётся вопрос: «Товарищи, а мы по очереди сидим?» [Там же, С. 52].

Ирония достигается Сорокиным и на уровне столкновения речевого клише «на здоровье» (смысл составляющих его слов стирается, значение стремится передать семантику слов «пожалуйста» / «не возражаю» / «как пожелаете») и значения соседнего с ним глагола «курить»:

- «— Людмила Константиновна, ничего, что я курю здесь?
— Да курите на здоровье.
— Вернее, во вред.
— Как угодно...» [Там же, С. 166]

Более того, иронический эффект усиливается тем, что интеллигенту Вадиму этот оксюморон замечен и очевиден, а мещанке Люде он неведом. Этот мини-диалог наглядно демонстрирует разницу уровней культуры, степени образованности героев.

Сорокин воспроизводит чужой дискурс в его бесчисленном множестве с одной стороны (количество людей, стоящих в очереди, ощутимо «бесчисленно», ведь «там очередь тысячи на две!» [Там же, С. 169]), а с другой — демонстрирует типизированность дискурса советского гражданина, его клишированность, исполненность речевыми штампами, будь то мужчина или женщина, юноша или старик. Выстраивая текст романа исключительно из реплик героев, Сорокин вовлекает читателя в решение сложнейшего ребуса. В отличие от классической драмы, где главной характеристикой героя, как известно, оказывается его речь, в романе Сорокина речь героев типизирована настолько, что, если бы не было разбивки реплик на строки, сложно было бы предположить — одному человеку принадлежат те или иные фразы или разным. Более того, читатели Сорокина оказываются лишены и «авторских подсказок» — ремарок, которые могли бы упростить разгадку ребуса. По признанию самого автора, очередь интересует его «не как социалистический феномен, а как носитель специфической речевой практики, как... полифонический монстр» [5, С. 121].

Визуальные клише соцреализма

Следуя за стратегией соц-артистов, Сорокин не меньший интерес проявляет и к визуальным клише. Так текст романа наполнен вещами, предметами повседневного обихода, которые добывались стоянием в очередях. Прежде всего, это продукты – мясо, которое «течёт» в сумке одного из участников очереди [6, С. 18], помидоры в сумке мамы мальчика Володи, которые стали «тёплыми», апельсины, которые дают в очереди неподалёку [Там же, С. 11], мороженое «только такое (за двадцать восемь. – Е.Ж.) и за десять» [Там же, С. 19]. Среди наиболее знаковых (народно любимых) продуктов – сырки «Дружба» («неплохие» [Там же, С. 97]), сыр «Российский» и «Пошехонский» [Там же, С. 139].

Не менее знаковыми, маркированными советскими атрибутами оказываются гвоздики в руках Лены («Вы гвоздики на рынке брали? <...> Хорошие какие. Везучий человек» [Там же, С. 13]), которые по праву считаются самыми популярными цветами в эпоху СССР – символом мужества, народной памяти, победы (первоначально символ Октябрьской революции, именно красную гвоздику, по легенде, носил в петлице В.И. Ленин), их вручали на торжественных мероприятиях и возлагали в памятные даты, дарили женщинам и ветеранам, это был едва ли не единственный цветок, который можно было раздобыть круглый год. Важно, что даже летом Лена выбирает «партийный» цветок, более того, девушка явно купила цветы для себя, домой, поскольку ни на какое торжество явно не собиралась (с цветами осталась в очереди до следующего дня), что свидетельствует о правильном советском воспитании героини (в контексте советской литературы маркировано положительной героини!).

Ещё одним советским атрибутом оказывается газета, являющаяся для советского гражданина не только источником новостей, но и другой важной информации (чтение объявлений [Там же, С. 76–78]), а также средством развлечься и скоротать время (Вадим и Лена решают кроссворд [Там же, С. 72–25]). Газета является многофункциональным предметом в советском пространстве – решив выпить, Вадим с напарником располагаются на лавочке и раскладывают принесённые продукты: «– Эх, газетки нет... / – А ты сыр разверни, на бумажке на этой...» [Там же, С. 141], советская газета выручает героев, решивших присесть после утомительного ожидания на жаре: «– Грязно, Паш... / – На газету, постели» [Там же, С. 43], а также героев, изнурённых жарой: «– Вы не оторвёте мне газетки, хоть отмахиваться буду... / – Возьмите целую» [Там же, С. 22].

Так текст романа оказывается наполнен знаковыми (популярными / ценными / труднодоступными) для советского человека образами – предметами быта, которые в обозначенную эпоху могли являться показателем благосостояния, положения в обществе, гарантом комфорта, уюта, даже красоты и в целом – счастья. Сорокин отводит подобным вещам в тексте романа отдельное место, когда внимание читателя оказывается направлено

только на них. Уставшие ждать своей очереди, люди ищут способы отвлечься. Одним из развлечений становится чтение вслух («Саша, на, почитай, я без очков не вижу...» [Там же, с. 76]) объявлений о продаже, среди которых: «стереомагнитофон “Маяк-203”», «новый югославский палас», «новый диван из холла “Виру”», «японская стереомагнитола “Санио-9944”», «вязальная машина “Северянка”», «монгольский ковёр 3х4», «видеомагнитофон “Ломо”», «фотоаппарат “Никон”» и др. [Там же, С. 76–78].

Интерес к вещам простирается не только на уровень покупательских мечтаний, но, и на уровень мировосприятия. Герои Сорокина видят красоту окружающего мира сквозь призму красивых (= редких, труднодоступных) вещей. Так, Вадим оказывается восхищён входной дверью в квартиру Люды: «—Как обита красиво... / — Нравится? / — Да. Элегантная дверь» [Там же, С. 164], а зайдя в квартиру, одобрительно произносит: «Высокие потолки у Вас» [Там же, С. 166]. Получив от Люды халат, чтобы снять мокрую рубашку, герой обращает внимание на его «происхождение»: «Какой длинный... чей же это... японский, что ли...» [Там же, С. 165].

И даже момент свершившейся близости не заставит героев забыть о ценности вещей. В ответ на ласки Люды в ванной Вадим скажет: «Красивое полотенце», на что Люда с гордостью ответит: «Китайское. Таких щас не купишь» [Там же, С. 190].

Соцреалистическая романтика, доведённая до абсурда (социальные и поведенческие модели)

В радикальном развитии приема имитации Сорокин идёт вслед за стратегией соц-артистов, «отыгрывая» на высшей точке не только речевые и визуальные клише эпохи соцреализма, но и поведенческие манеры советских граждан. Сорокин обращается к одному из привычных и обыденных занятий советского гражданина – стоянию в очереди, без которого невозможно было купить ни один товар – от молока и хлеба до предметов мебели, автомобиля, и тем более, квартиры. Этот неминуемый ежедневный процесс получил широкое отображение в советской культуре эпохи 1970–1980-х.

Так, романтизированный отрефлексированный советской культурой в 1970–1980-е годы образ советской очереди становится объектом концептуальной прозы Владимира Сорокина и получает радикальное развитие – писатель доводит до предела социальные и поведенческие модели советских граждан. И если, к примеру, в фельетоне Григория Горина «Очередь» «неосведомлённость» о предмете покупки была объектом сатирического изображения, то в романе Сорокина ситуация неведения становится едва ли не привычной (= нормальной). На законный для примкнувшего к Очереди вопрос «по сколько дают?» главный герой романа получает совершенно разные ответы: «Черт их знает... Даже и не спрашивал» [Там же, С. 9].

Сорокин радикально развивает ситуацию путаницы вокруг товара, показывая, что внешнее единство очереди (вместе пьют квас, вместе

отправляются в столовую, вместе ночуют в сквере на лавочках) оборачивается полной разрозненностью внутри – люди стоят в одной очереди за абсолютно разными товарами. Ситуация «абсурда» развивается в геометрической прогрессии, Сорокин своеобразно использует приём градации – в начале полилога (романа) покупатели «стояли» за овощами / фруктами, далее – за обувью или одеждой, а затем – за мебелью (!): «– Скажите, они точно полированные?» [с. 102], «– У них ножки красивые – под старину. / <...>/ – А главное, вместимость большая. Столько ящиков. / – И замки элегантные. / – Замочки что надо. Под бронзу. / – У нас почти такой же сервант есть» [Там же, С. 102]. Затем снова обрывок диалога: «– Они садятся после стирки» [Там же, С. 158] и далее: «Там ручки под бронзу. Застеклённый такой» [Там же, С. 159].

Сорокин выбирает главным объектом изображения в романе один из знаковых феноменов советской эпохи – очередь, образ которой к моменту выхода романа уже не раз был воплощён в разных видах искусства, а потому был в известной мере романтизирован. Сорокин мастерски изображает поведенческие модели советских граждан, блестяще отыгрывает речевые формулы, визуальные клише и штампы, а затем доводит соцреалистическую романтику до абсурда. И в этом, безусловно, идёт следом за соц-артистами. Сорокин фактически делает вербально то, что Комар и Меламид изобразили визуально на картине «Идеальный лозунг», написанной в 1972 г., т.е. почти за 10 лет до начала работы Сорокиным над «Очередью». Очевидно, что к этому времени он хорошо знал творчество соц-артистов, воспринял их художнические стратегии и искал способы их воплощения в литературе.

Осознавая всенародную известность советских пропагандистских высказываний, клишированность речевых формул, Комар и Меламид создают «универсальный лозунг», «идеальную форму» пропагандистского высказывания, в которой каждый может усмотреть то, что ему знакомо, подставить любую комбинацию слов, поскольку «от перемены мест слагаемых сумма не меняется» – каким бы ни было высказывание из белых букв на красном полотне, суть его одна. Художники оставляют только план выражения, изымая план содержания, который в данном контексте оказывается не релевантным.

Сорокин, следуя стратегии соц-артистов, оставляет только план выражения – изображает процесс стояния в очереди, а план содержания (за чем растянулась небывало длинная очередь) его не интересует – товаром может быть всё, что угодно (что бы ни «выбросили» в продажу, за этим всё равно тут же выстроится толпа покупателей).

Именно поэтому главной героиней романа оказывается очередь, которая изображена Сорокиным как отдельный живой организм – бушующий спорами, затихающий в дрёме, утоляющий жажду и голод, укрывающийся от дождя, стоящий или сидящий (иногда даже лежащий),

но неустанно ожидающий. Очередь берегут, о ней заботятся – её выравнивают, прореживают, снова выравнивают, перекличками отсеивают выбывших и включают в неё новых.

Литература

1. Барабанов, Е. Зеркальные мистерии нуля // Собрание Ленца Шенберга. Эдицион Ханц, 1989.
2. Богданова, О.В. Концептуалист писатель и художник Владимир Сорокин / О.В. Богданова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
3. Гройс, Б. Утопия и обмен: Стиль Сталин. О новом. Статьи / Б.Гройс. - М., 1993
4. Добренко, Е. Преодоление идеологии: заметки о соц-арте / Е. Добренко // Волга. 1990. – № 11.
5. Сорокин, В. Автопортрет // В. Сорокин. - М.: Русслит., 1992.
6. Сорокин, В. Очередь // В. Сорокин. - М.: Ad Marginem, 2002.

E.S. Zhilene

Saint-Petersburg State Institute of Culture

e-mail: ebibergan@yandex.ru

The implementation of pictorial strategies of social artists in V. Sorokin's novel "The Queue" (1983)

Key words: Soviet Pop Art or Socialist Art, social realism, conceptualism, Vladimir Sorokin, novel "The Queue".

The purpose of the research is to offer a new perspective in the interpretation of Vladimir Sorokin's novel "The Queue" (1983), which is rightfully considered the author's most famous text. Consideration of the artistic strategies of the social artists, into whose circle the young Sorokin fell during his creative formation, allows us to see the text of the novel in a new way, namely, to understand and trace how Vladimir Sorokin managed to transfer the already worked-out techniques of social art to literature, creating the first Russian conceptual novel.

К.А. Зайцава, Д.А. Патапенкава

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава

e-mail: kasiazaya88@mail.ru

УДК 811.161.3'373.23:821.161.3-31

ІМЕНАСЛОЎ АПОВЕСЦІ ВАСІЛЯ БЫКАВА "ТРЭЦЯЯ РАКЕТА"

Ключавыя словы: іменаслоў, уласнае імя, форма імені, характарыстыка героя, гіпакарыстыка.

У артыкуле разглядаюцца лексіка-семантычныя асаблівасці антрапонімаў ў мове герояў аповесці Васіля Быкава "Трэцяя ракета". Разглядаюцца тыпы намінацый у творы, матывацый іменавання. Робіцца вывад аб тым, што антрапонімы ў мастацкім тэксце рэпрэзентуюць лінгвакраіназнаўчую інфармацыю, традыцыі іменаслова беларусаў.